

Помнится, в начальной школе ей выдавали карманные деньги раз в неделю. Сюй Цзыжань уже не помнит, сколько именно — наверное, несколько десятков юаней. Но однажды деньги то ли потерялись, то ли их украли. Для неё в то время сумма была огромной. Боясь гнева матери, она не решилась признаться родителям и решила неделю посидеть на голодном пайке. Через три дня, когда её силы иссякли, Тянь Цзяци, узнав об этом, не выдержала и рассказала всё матери Сюй. Та, не зная, смеяться или плакать, дала дочери двадцать юаней и, прижав её голову к себе, проговорила:

— Глупенькая моя, чего же ты побоялась сказать?

Вскоре Сюй Цзыжань поняла: родители не давали ей много денег в средней школе вовсе не из-за бедности, а просто не хотели, чтобы она тратила их на всякие глупости.

Уже в университете родители внезапно стали щедрее. Вероятно, из-за того, что она уехала далеко от дома и они не могли быть рядом, их беспокойство возросло, и они постоянно спрашивали, хватает ли ей денег, чтобы хоть как-то унять свою тревогу.

Позже, когда она начала зарабатывать сама, возникло чувство, что взрослому человеку стыдно просить деньги у родителей, поэтому тема карманных расходов была закрыта. И вот теперь, оказавшись в такой ситуации, она испытала странное чувство ностальгии.

Мать Сюй посмотрела на дочь, пытаясь разглядеть на её лице хоть какие-то зацепки:

— Что такое? Деньги кончились? На что потратила?

Сюй Цзыжань, прожившая здесь всего несколько дней, понятия не имела, на что можно было потратить деньги, но знала: в такие моменты тон должен быть уверенным. Поэтому она твердо заявила:

— Прошло уже столько времени, конечно, они закончились.

Мать Сюй задумалась, вроде бы соглашаясь, но всё же с сомнением переспросила:

— Что за новые друзья? Я их видела?

Сюй Цзыжань приложила руку ко лбу, чувствуя полнейшую беспомощность, и прямо ответила:

— Мам, если бы я перестала просить у тебя деньги на карманные расходы, это больше было бы похоже на раннюю любовь, не находишь?

Услышав это, мать Сюй погрузилась в глубокие раздумья.

После долгих уговоров Сюй Цзыжань всё же выторговала пятьдесят юаней — больше получить не удалось. Смирившись с судьбой, она махнула рукой: всё равно носить школьную форму приходится часто, так что с глаз долой — из сердца вон.

Засунув деньги в карман, она вскочила на велосипед и помчалась в школу. Сегодняшнее задание Системы не имело ограничений по дистанции, но требовало бежать не менее двадцати минут со скоростью не ниже восьми километров в час.

День выдался солнечным. Хотя температура ещё не была высокой, в воздухе уже чувствовалось дыхание весны. Солнце ещё не поднялось до конца, наполовину скрытое за окутанными дымкой далекими горами, словно желток яйца всмятку.

Сюй Цзыжань как раз подумала, что неплохо было бы съесть такое яйцо, как Система подала сигнал:

— Дорогая хозяйка, в двухстах метрах впереди появилась ваша цель. Скорее, начните свой прекрасный день!

Сюй Цзыжань всмотрелась вдаль и действительно увидела в легком тумане фигуру Цю Юйжоу. Та, по всей видимости, стояла на обочине, но, заметив Сюй Цзыжань, снова села на велосипед и поравнялась с ней как раз в тот момент, когда та подъехала.

— Ты почему здесь? Ждала меня? — спросила Сюй Цзыжань.

Цю Юйжоу на мгновение растерялась, отвела взгляд и попыталась оправдаться:

— Н-нет, я просто завтракала здесь, только что закончила.

По выражению её лица было ясно, что она лжет. Сюй Цзыжань не стала её разоблачать, а перевела тему на завтрак, чувствуя, как на душе становится тепло. Она удивлялась: за что ей такое внимание со стороны Цю Юйжоу?

Добравшись до школы, они оставили велосипеды и направились на стадион, где народу оказалось больше, чем обычно. Многие играли в футбол.

Размявшись у турников, они начали бег. На этот раз Сюй Цзыжань настояла, чтобы Цю Юйжоу бежала в своем темпе. Та поначалу колебалась, но, увидев решимость подруги, спорить не стала. Они стартовали вместе, но вскоре Цю Юйжоу вырвалась вперед, а через некоторое время и вовсе обогнала Сюй Цзыжань на круг.

Сюй Цзыжань взглянула на неё: та даже не запыхалась. Она была искренне поражена. Для её темпа скорость Цю Юйжоу была совсем не маленькой, а такая выносливость позволяла ей смело записываться в школьную команду по бегу.

Через десять минут ноги Сюй Цзыжань стали наливаться свинцом, а Цю Юйжоу обогнала её уже во второй раз. Когда она поравнялась с ней снова, то не стала обгонять, а просто побежала рядом.

Сюй Цзыжань, слегка задыхаясь, проговорила:

— Ты зря подстраиваешься под мой темп, так тебе же тяжелее.

Цю Юйжоу покачала головой. Неизвестно, от бега или от солнца, которое начало припекать сильнее, её щеки покраснелись, и на них выступили капельки пота. Она была похожа на персик, покрытый росой. Девушка-персик взглянула на Сюй Цзыжань сияющими глазами и ответила:

— Совсем не тяжело.

В этом взгляде читалось столько всего, что в конце концов он превратился в радостную улыбку, от которой сердце Сюй Цзыжань пропустило удар.

Это сердцебиение было совершенно необъяснимым. Лицо Цю Юйжоу она видела тысячи раз, но почему-то именно эта улыбка, словно весенний ветерок, коснулась её души, заставив тяжелые шаги стать легче. В девушке сквозило такое нежное сияние, как у бутона, готового вот-вот раскрыться. Она ещё не явила миру всю свою ослепительную красоту, но уже обладала силой дарить окружающим легкость.

А, подумала Сюй Цзыжань, это и есть юность.

Юность — это когда ты, ещё блуждая в тумане, начинаешь познавать мир и раскрывать свои таланты. Ты этого не осознаешь, и окружающие тоже, но, оглядываясь назад, невольно восклицаешь: какое же это было прекрасное время!

У человека бывает только одна юность. — Лонгфелло.

Эта цитата сегодня красовалась внизу страницы Системы. Сюй Цзыжань подумала, что это правда. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так и она, вернувшись в пору юности, чувствовала, что с её восприятием что-то не так. Наверное, потому, что её настоящая юность уже прошла, и никакая смена оболочки этого не изменит.

Задание было выполнено, Сюй Цзыжань получила очки опыта и перешла на шаг. Цю Юйжоу остановилась и пошла рядом.

— Ты обычно сколько пробегаешь? — спросила Сюй Цзыжань.

Цю Юйжоу помедлила и уклончиво ответила:

— Примерно столько же.

Сюй Цзыжань рассмеялась:

— Ты совсем не умеешь врать.

Цю Юйжоу снова залилась краской. Её лицо и так пылало от бега, а теперь даже уши стали красными, что вызвало у Сюй Цзыжань легкую зависть. В старших классах Сюй Цзыжань уже была «старым лисом» в искусстве пустой болтовни и давно не краснела из-за такой ерунды, да и её друзья были такими же — проще говоря, толстокожими. Раньше она была уверена, что не сможет подружиться с кем-то столь застенчивым, но теперь поняла, что это совсем не плохо.

Они ещё немного поделали растяжку у турников и поболтали. Сюй Цзыжань, видя, что уже совсем рассвело, машинально потянулась к карману за телефоном, чтобы проверить время, и тут же вспомнила: смартфоны ещё не появились, да и мобильники — большая редкость.

Поскольку она привыкла смотреть время на телефоне и совсем отвыкла от наручных часов, свои она оставила дома. Заметив часы на руке у Цю Юйжоу, она схватила её за запястье, чтобы посмотреть.

Белоснежные пальцы, словно выточенные из нефрита, на ощупь оказались мягкими и нежными — даже мягче, чем она помнила. Сюй Цзыжань засомневалась, не из ваты ли они сделаны. Тонкие косточки, едва заметные суставы, светлая кожа, сквозь которую на солнце просвечивали крошечные венки...

Сюй Цзыжань не могла перестать их трогать. Она всегда считала руки Цю Юйжоу красивыми, но та в будущем стала такой холодной и неприступной — возможно, из-за врачебной привычки к чистоте — что не позволяла даже взять себя за руку, а иногда даже вздрагивала от случайного прикосновения. У Сюй Цзыжань не было шанса полюбоваться этим произведением искусства.

А сейчас Цю Юйжоу была такой податливой. Несмотря на смущение, она не сопротивлялась и позволяла Сюй Цзыжань вертеть свои руки как угодно.

— Красивые, — восхитилась Сюй Цзыжань. — Очень красивые.

Цю Юйжоу опустила голову и прошептала:

— У тебя тоже очень красивые.

Сюй Цзыжань часто делали комплименты по поводу внешности, но впервые она не почувствовала гордости или радости — только рассмеялась.

— И что же в них красивого? — с иронией спросила она.

Цю Юйжоу посмотрела ей прямо в глаза:

— Глаза самые красивые.

У Сюй Цзыжань были глубоко посаженные глаза с естественным двойным веком, длинные загнутые ресницы, а под правым глазом — крошечная родинка. Зрачки были светло-кариими, на солнце напоминая чистый мед, и когда она смотрела на кого-то, её взгляд всегда казался

светлым и глубоким. Так говорил один её университетский однокурсник. Сюй Цзыжань тогда не понимала, что значит светлый и глубокий, но знала, что многие считают её глаза красивыми.

Однако Цю Юйжоу никогда раньше такого не говорила. Сюй Цзыжань подалась вперед, вглядываясь в юное лицо:

— Правда считаешь их красивыми? Хочешь рассмотреть получше?

Она улыбнулась, прищулив глаза, в которых заиграли искорки. Цю Юйжоу моргнула, и каким-то образом её нога соскользнула с перекладины, она чуть не упала. Сюй Цзыжань подхватила её, подумав: у Цю Юйжоу действительно проблемы с координацией, неудивительно, что она плохо играет в мяч.

Вспомнив о мяче, она подумала о вчерашнем бадминтоне:

— Жаль, что нельзя одолжить ракетки. Всё равно не знаем, чем заняться, могли бы поиграть.

Цю Юйжоу задумалась и ответила:

— Давай на следующей неделе. Я принесу.

Пока они говорили, взгляд Сюй Цзыжань упал на баскетбольную площадку. Она мечтала вырасти, поэтому, глядя на высоких и стройных парней, невольно подумала: а если я начну играть в баскетбол, смогу ли я так же вытянуться?

Делать было нечего, и она потащила Цю Юйжоу к площадке. В университете она немного занималась баскетболом и даже почти попала в сборную — конечно, не попала не из-за роста, а из-за лени вставать на утренние тренировки.

Она постояла в сторонке, наблюдая за игрой, и заметила парня, который сидел на земле, пил воду, а рядом с ним лежал лишний мяч. Она бесцеремонно подошла и спросила:

— Привет, ты ведь учишься в нашей школе?

Её лицо, закаленное будущим, стало непробиваемым. Знакомиться с незнакомцами или торговаться она могла не моргнув глазом. Но нынешние старшеклассники были не такими смелыми — парень опешил от такой прямоты, молча кивнул.

— У вас тут лишний мяч, можно одолжить поиграть? — улыбнулась она.

Парень, явно сбитый с толку тем, что девушка так запросто просит мяч, снова кивнул и протянул его.

Сюй Цзыжань поблагодарила его и побежала к Цю Юйжоу:

— Давай тоже поиграем!

Сюй Цзыжань знала лишь азы, а Цю Юйжоу и вовсе ничего не умела. Они просто дурачились. Сюй Цзыжань забросила несколько мячей и, радуясь успеху, услышала насмешливое хмыканье.

Она обернулась и увидела парня в школьной форме с короткой стрижкой.

— Девушки, может, освободите площадку? Всё равно играть не умеете, — сказал он.

Сюй Цзыжань прищурилась. Парень показался ей знакомым. Она долго изучала его лицо, пока тот не начал нервничать, и вдруг вспомнила: это же тот самый одноклассник, который признавался ей в любви на первом курсе! Как же его звали?

Сюй Цзыжань потеряла лоб, но имя не вспомнилось.

Парень продолжал:

— Девчонки в баскетбол играть не умеют. Давайте, валите отсюда.

Он скрестил руки на груди, задрал подбородок, словно считал себя невероятно крутым. В глазах Сюй Цзыжань он выглядел как нелепый подросток, страдающий от «синдрома восьмиклассника», поэтому она даже не разозлилась. Ей было лень с ним спорить, она собралась вернуть мяч хозяину.

Но тут Цю Юйжоу шагнула вперед и возмущенно сказала:

— Как вы можете быть таким невежливым!

В голове Сюй Цзыжань снова звякнула Система:

— Дорогая хозяйка, ваша цель очень расстроена, скорее развеселите её!

Сюй Цзыжань приподняла бровь. Она посмотрела на Цю Юйжоу: та нахмурилась и надула губы, глядя на парня. Её узкие глаза округлились, и вместо угрозы она выглядела как испуганный зверек, которому явно не хватало уверенности.

Сюй Цзыжань очень хотелось посоветовать ей прищуриться — по её опыту, такая Цю Юйжоу выглядела куда опаснее. Но раз Система говорит, что она расстроена, значит, так оно и есть. Цю Юйжоу всегда была такой спокойной, что Сюй Цзыжань даже не ожидала, что она может так разозлиться из-за какой-то ерунды.

Парень, видя, что Цю Юйжоу не представляет никакой угрозы, недоуменно спросил:

— Что значит невежливый? Я сказал правду.

Он оглянулся на друзей в поисках поддержки, но те уже отошли подальше, стараясь не смотреть на него. Один из них, толстяк, буркнул:

— Чего ты к ним пристал? Места нет — пойдем в другое.

— Другие места заняты, а они всё равно играть не умеют, — упрямылся парень.

Сюй Цзыжань усмехнулась. Теперь она уже не помнила, почему отказала ему в университете, но, глядя на него сейчас, поняла: если бы она согласилась, это было бы проклятием. Дело не в шовинизме — у парня просто явно не всё в порядке с головой. Типичный кандидат в одиночки на всю жизнь.

Она сделала шаг вперед:

— Как тебя зовут?

Парень опешил, но почему-то гордо ответил:

— Ци Вэньдун, 2-й класс, 6-я группа. А что?

— Ци Вэньдун, эта площадка твоя личная собственность? — спросила Сюй Цзыжань.

— Н-нет...

Она подошла ближе, почти вплотную, и, задрав голову, улыбнулась ему в лицо:

— Тогда ты из тех, кто любит лезть без очереди?

— Нет...

— Раз ты знаешь, что всё делается по порядку, почему мы должны уступать площадку, если заняли её первыми?

— ...Э-э...

— Знаешь, я согласна, — Сюй Цзыжань сделала паузу, — называть тебя невежливым — это слишком мягко. Ты просто бесстыжий.

Цю Юйжоу тихонько прыснула. Но громче всех рассмеялся тот самый парень, который дал им мяч. Его смех звучал так вызывающе, что Ци Вэньдун вздрогнул. Сюй Цзыжань одобрительно подмигнула парню.

Ци Вэньдун побагровел:

— Как ты смеешь так разговаривать?!

Сюй Цзыжань сохраняла полное спокойствие и, наклонившись к нему, прошептала:

— Я не ругаюсь. Я просто констатирую факт: ты — мусор.

Сказано это было так тихо, что никто, кроме него, не услышал. Ци Вэньдун пришел в ярость и схватил Сюй Цзыжань за руку. По сравнению с ним она казалась хрупкой птичкой, которую можно поднять одной рукой. И в следующую секунду, когда она подняла голову... она заплакала.

Миниатюрная девушка с глазами, полными слез, выглядела настолько жалко, что у любого сердце бы дрогнуло.

Ци Вэньдун: «...»

Сюй Цзыжань, всхлипывая, громко закричала:

— Что ты делаешь?!

На площадке начался хаос. Цю Юйжоу и тот парень бросились их разнимать. Игроки остановились, начав тыкать пальцами. Даже друзья Ци Вэньдуна набросились на него:

— Ты мужик или кто? Как ты смеешь обижать девушку?!

— Я ничего не делал! Просто схватил её за руку, она первая начала меня оскорблять! — оправдывался Ци Вэньдун.

Сюй Цзыжань язвительно заметила:

— Если ты готов бить за одно слово, то за два — ты что, убивать начнешь?

Ци Вэньдун вытаращил глаза:

— Да ты... ты... когда я тебя бил?! Не ври! — он никак не мог подобрать слова «клевета».

На этот раз, не дожидаясь Сюй Цзыжань, заговорила Цю Юйжоу:

— Мы всё видели! Ты набросился на неё, если не бить, то зачем?!

Парень с мячом добавил:

— Бить девушку — это ниже всякого достоинства.

Ци Вэньдун хотел что-то ответить, но его друзья, которым стало стыдно, схватили его под руки и утащили прочь.

Сюй Цзыжань выдавила последнюю слезу, хмыкнула, а потом звонко рассмеялась, повернувшись к Цю Юйжоу:

— Ну что, тяну на «Оскар»?